

18+

Валерий Четверкин

Магбет и Карина

Валерий Викторович Четверкин
Магбет и Карина.
Посвящается моим друзьям!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72110545
ISBN 9785006720954*

Аннотация

Поэтические размышления о сути вещей, о судьбах людей, о жизни в целом. Этот сборник написан для тех, кто еще читает, это просто мой эксперимент над нашим социумом. Произведения из сборника ранее публиковались в книгах «На семи ветрах», «Простое баловство», «Легкий мир», «Новогодний гамбит».

Содержание

На семи ветрах	5
Часть 1. «У реки»	5
На семи ветрах. 2. Разлука	9
На семи ветрах 3. «На семи ветрах»	13
На семи ветрах 4. «Ожидание»	16
На семи ветрах Часть 5. «Из мрака ночи»	18
Часть 6. «Золотые купола»	21
Бродяга	25
Часть 1. Пролог	25
Часть 2. Опять понедельник	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Магбет и Карина
Посвящается
моим друзьям!**

**Валерий Викторович
Четверкин**

© Валерий Викторович Четверкин, 2025

ISBN 978-5-0067-2095-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На семи ветрах

Часть 1. «У реки»

Май излучал довольство и уют,
Трава росой искрила – баловница,
Уже проснулись, с щебетанием – птицы,
И солнца лучики, устроили салют.
Они гуляли, каждый в том мирке,
Который был привычен им с рождения,
Скрип половиц, и запахи варения,
Тропинка узкая, сквозь березняк, к реке.

В воде, смеясь, плескались облака,
Устало хлюпая кормой дремали лодки,
А шелеста листвы, негромкой, нотки,
Слетались здесь к реке, издалека.
Она всегда любила посидеть,
У заводи, с поваленной березы,
Читая строки романтической прозы,
Подолгу, в воду темную, смотреть.

Он отслужил положенные годы,
Их, проведя, в Балтийских берегах,
В холодных водах, на семи ветрах,

В объятиях штормов и непогоды.
И с ощущением свободы от кают,
От крика чаек, шелеста прибоя,
Он наслаждался бременем покоя,
Где чувства свой устроили – салют.

Он шел к реке с желанием искупаться,
Нырнуть в горячий, ласковый песок,
Позагорать на пляжике с часок,
И в зелени природы потеряться.
Приметил он ее издалека,
Печальную, красивую фигуру,
Чью прелесть и глубокую натуру,
Так оттеняла тихая река.

Она сидела грустная, как море,
Держа в руках зачитанную книжку,
Своим глазам, давая передышку,
Со взглядом полным горечи и боли.
Он подошел к ней, чем могу помочь,
Вам разогнать томления и скуку?
И ей подал, свою мужскую руку,
Чтоб увести, от грустных мыслей – прочь.

Она ему невольно улыбнулась,
Своей очаровательной улыбкой,
Такой печальной, трогательной, зыбкой,
Как будто бы сама сейчас проснулась.

Давай знакомиться, Вы здесь давно живете?
Я Вас в поселке нашем не встречал,
Хоть и до армии, девчонок всех знавал,
По школе, вузу, просто по работе.
Не мудрено, приехала недавно,
Своей любимой бабушке помочь,
Не стало мамы, а она ей – дочь,
И знать меня, Вы не могли – подавно.

Так началось случайное «свидание»,
В березовой посадке, у реки,
Чьи заводи чисты, и глубоки,
Под щебет птиц, и шарм очарования.

Они встречались чаще, и, порой,
Минутки уходящие считая,
И ничего вокруг не замечая,
Общались вечерами под луной.
Мир замирал в разлуке, и дремал,
Как дремлют звезды в вечности вселенной,
Где время, из обычной переменной,
Вдруг в твердый превращается кристалл.
И каждая секунда расставания,
Казалась им, как вечность ожидания!

А жизнь застыла, в страстных поцелуях,
В сиянии звезд, и нежности в глазах,
В румянце безмятежном на щеках,
В любви, прекрасно – мягких струях.

Им было радостно, и весело вдвоем,
Они кружились в бешеном потоке,
В неистовстве, безумстве и пороке,
И вены, наполняли их – огнем,
И им казалось, эта жизнь для них,
Что нет препятствий, им в одной дороге,
Что только счастье ждет их на пороге,
Один венец, терновый, на двоих!

Но время шло, краснел кленовый лист,
Природа плакала, дождями, в непогоду,
И ветер приносил с собой – невзгоду,
И воздух, по морозному, был чист.

Они вдвоем сидели у камина,
Огонь ласкал их потные тела,
И грусть давно, запутала дела,
Как мошек путает, паучья паутина.
И ясно было, от разлуки не уйти,
И вот она, в проулке, меж домами,
И делать нечего, увы, она за нами,
И вновь им разные, достанутся пути.

На семи ветрах. 2. Разлука

Ей нужно было ехать в институт,
Что бы продолжить долгую учебу,
И собираясь в дальнюю дорогу,
Себе с тоской, построила маршрут.
Ложилось криво чистое белье,
Слеза текла, непрошено, по коже,
Ей было грустно, страшно и тревожно,
От безысходности, менять свое «жилъе».
Вот как сейчас, его оставить здесь,
Свою любовь, и преданность и нежность,
И как ей вылечить такую неизбежность,
Себя, отправив, в сумрачную взвесь.

Его метало – волнами в грозу,
Глаза сверкали молниями боли,
Он застонал, ведь хуже нет неволи,
Чем встретить на глазах ее – слезу!
И он никак не мог себе простить,
И мысли разбегались врассыпную,
Он в грезах обнимал ее – родную,
Не в силах оторвать, и отпустить.

Но что же делать, следовать за ней,
Принять ее проблемы и уставы,
Устроить по периметрам заставы,

Оберегая быт, ее счастливых дней.
Иль попытаться как-то преуспеть,
Пока она, так занята учебой,
Но ведь тебе, написано природой,
Устроить быт, и песнь свою пропеть.

Остаться с ним, а как же папа мой,
Ведь я его единственная дочь,
Он болен, я должна ему помочь,
И не могу, не ехать я – домой.
Его просить о помощи, возможно,
Он не откажет, будет помогать,
И моему отцу он станет – зять,
Ведь это для него, пока, не сложно.
Пусть он устроится, а ласку и уют,
Ему я обеспечу непременно,
Да, я люблю его, и так – самозабвенно,
Как дикий зверь, в норе своей – приют.

Так, за руки дрожащие держась,
Они к реке спускались по не многу,
Уже, собравшись, в общую дорогу,
Чтоб на природе погулять, не торопясь.

Его родные, встретили отъезд,
Спокойно очень, батя похмелился,
А может он и спать то, не ложился,
И бодрым был, как есаул, в разъезд.
А матушка, сжимая свой платок,

Ее за талию легонько обнимала,
Не плакала, она ведь понимала,
Давно уж повзрослел ее сынок.

Прасковья Дмитриевна, бабушку зовут,
Своей их грустной, встретила улыбкой,
Их чувства не казались ей – ошибкой,
И для себя она решила, пусть живут.
И внучки выслушав, взволнованный рассказ,
О неизбежных, быстрых сборах и дороге,
Им пожелала счастья на пороге,
Смахнув слезу, не прошенную, с глаз.

Вокзал их проводил, рекламой и огнями,
А поезд уносил от суеты,
От той, им нарисованной черты,
Куда они сейчас стремились сами.
Они смотрели грустно за окно,
И думали о разном, и о многом,
Мечтательно, или в суждении строгом,
Откинув все сомнения давно.
Лишь искорки влюбленности мелькали,
Во взглядах встретившихся, ласковой улыбке,
И в такт мелодии прекрасно-грустной скрипки,
Сердца влюбленные, в дороге, трепетали.

Он познакомился с ее родным отцом,
Как полагается, просил благословения,
Они подумали, и приняли решения,

Как жизнь спланировать, пред будущим венцом.
Ей предстоит закончить институт,
Его – финансовые стороны разлуки,
Чтоб не скучали, от безделья руки,
А свадьбы и венчанья – подождут.
И он отправился судьбу решать в столицу,
Уже неся, в руках своих – «синицу».

На семи ветрах 3. «На семи ветрах»

Он принялся за дело, не таясь,
С друзьями встретился, с кем отслужил на флоте,
Поднял вопрос о жизни, о работе,
Где можно быстро заработать, не стыдясь.
Он рассказал им о своей любви,
О планах общих, суете, разлуке,
Что уж давно, работу ищут руки,
Но скоро вновь сольются их пути.

Его друзья, конечно помогли,
Он скоро стал – помощник капитана,
И, ранее неведомые страны,
К его ногам немедленно легли.
И снова крики чаек, шум прибоя,
Бурун бурлящей пены за кормой,
Сосредоточенный в работе – рулевой,
И мысли грустные, печального героя.

Она, меж тем, учебу продолжала,
Ведя свои привычные дела,
Но для себя, давно уж поняла,
Что от проблем, она не «убежала».
Врачи сказали ей, что впереди – рожать,
Что сил набраться ей не помешает,
Не нужно нервничать сейчас, подольше спать,

И что спокойствие при родах – помогает,
Что скоро скажут ей, кого придется ждать,
Что ожидает – будущую мать.

Он плохо спал, и часто просыпаясь,
Себя ловил на мысли об одном,
Что помешало им, в поселке жить родном,
Растить детей, и жизнью – наслаждаясь.
Раздался звук моторов за бортом,
Сигналов уханье, огней – тревожный сполох,
И микрофонами гремел не русский голос,
На баке всех собрать, к нему – лицом.

Их обыскали, и наручники надев,
Спустили в шлюпы, под усиленной охраной,
И потянул конвой к причалу, строчкой рваной,
Да ветер в вантах, свой свистел напев.

Тянулись дни, они уже устали,
От неизвестности, и думая о том,
Как отнесется, к их пропаже – дом,
Кормили плохо, все тревожно спали.
Их редко выводили на допрос,
И задавали глупые вопросы,
Им не понять, что Русские матросы,
Писать не станут, на страну – донос.
Не будут плакать, о судьбе стонать,
Лишь молча, терпеливо – ждать.

Он понимал, что время не вернуть,
Уже, как год, они торчат в «остроге»,
В своих сомнениях, и липнувшей тревоге,
Как ситуацию, к свободе повернуть.
И изредка встречаясь – «подышать»,
Успев друг другу кинуть пару фраз,
Словить удары, и сухой приказ,
Оказываясь в камерах опять.

Он вспоминал ее, глаза, улыбку, руки,
Такой доверчивый, и удивленный взгляд,
А душу разъедал сомнений – яд,
Как справится она, в своей разлуке.
Ведь он давно, быть должен рядом с ней,
И вдруг пропал, исчез в туманной дали,
И далеко уже давно – о чем мечтали,
И след закрыла пыль ушедших дней.

На семи ветрах 4. «Ожидание»

Тянулись, тягостно, задумчивые дни,
Прошла зима, заплакали капли,
Она сидела возле колыбели,
Встречая взглядом редкие огни.
Ей чудилось, что он вот-вот придет,
Разденется, свои ботинки скинет,
К ней подойдет, и, нежно так обнимет,
Что вся душа ее, сейчас же расцветет.
Она расплечется в любимое плечо,
И будет говорить ему сквозь слезы,
Как было плохо ей, в суровые морозы,
И как она его любила – горячо,
И как ждала, прислушиваясь к скрипам,
Смотрела вечером в морозное окно,
Как было на душе ее – темно,
И слезы капали, рыданию в тон, и всхлипам.

Но детский плач, ее вернул из грезы,
Сменить пеленки надо, покормить,
У ней есть сын, и им ей надо жить,
Оставив в прошлом, грусть свою, и слезы.

Отец был плох, врачи уже не знали,
Что делать им, лечение не впрок,
Он сильно похудел, и, видно срок,

Его уж ждет, все это – понимали.
И знала дочь, по маме он скучал,
Когда метался, по ночам в бреду,
Как звал ее к себе он, на беду,
И не дозвавшись, истошно кричал.
Его не стало осенью, природа,
Покровом белым землю застелила,
Пятном чернела свежая могила,
И выла ветром, меж оград – погода.

Минули годы, сын ее подрос,
Уж разговаривал уверенно так – кроха,
На самокатике своем гонял не плохо,
И всем рассказывал, что – будущий матрос.
Она ждала, ее уж не терзали,
Своими мыслями, заплаканные дни,
Воспоминания, и те давно ушли,
В какие-то неведомые дали.
Заботы вытеснили грезы прошлых лет,
Остались только смутные сомнения,
И, не разборчивые, вялые – видения,
Что и в живых, его давно уж нет.
И что тогда, ей надо выбирать,
Воспитывать ли сына в одиночку,
Или на прошлом, ей поставить точку,
И отменить свою команду – ждать.

На семи ветрах Часть

5. «Из мрака ночи»

Он постучал, она ему открыла,
Их взгляды встретились под тусклым фонарем,
И свет качался желтым янтарем,
И тень в проеме каменном -застыла.
Молчание – лилось, дремал окрестный мир,
Лишь изредка был слышен лай собаки,
И тени на снегу писали знаки,
И холод излучал луны – «сапфир».
Она смотрела с грустью на него,
Невольно кутаясь в пушистую накидку,
Со скрипом ветер, затворил калитку,
И с ней его оставил – одного!

Им вспомнились аллеи, и тропинки,
И шелест искренний трепещущих берез,
Их поцелуи, доводящие до слез,
И на ресницах, звездные росинки.
Они купались в мире бытия,
Так искренне, друг друга не стесняясь,
И внутренне при этом изменяясь,
Под жаром охватившего огня!

«Зачем пришел?», вопрос застал врасплох,

Как объяснить нелепость положения,
Он никогда еще не делал предложения,
И глупо выглядел, как будто бы оглох.
Сказать ей, что люблю, но после стольких лет,
Когда в заботах, не черкнул и строчки,
Когда пришлось идти путями одиночки,
Неся в душе своей, ее скупой портрет?

Улыбка глупая скользнула по лицу,
Глаза наполнились дождем воспоминания,
Он отвернулся, с чувством осознания,
Что вся история, приблизилась к концу.
Она к нему шагнула, протянув,
Свои озябшие, холодные ладошки,
В душе ее оттаяли дорожки,
И вдруг расплакалась, себя, к нему, прильнув.

И растворились отголоски страха,
Проснулась радостно забытая любовь,
Вскипела страстью и волнением кровь,
И пот впитала белая рубаха.
Мир утонул в лучах любви глубокой,
Растаял вдруг, как призрак прошлых лет,
Падений, грусти, радостных побед,
Закрыв шлагбаум жизни – одинокой.

Ночь рисовала красками страстей,
И полный штиль, и урагана рокот,
И стон, и откровений – шепот,

В тених уже оплавленных свечей.

Рассвет принес не ясность ощущений,
Тепло в душе, и слезы на глаза,
И мысль крамольную, за что же небеса,
Их наградили тяжестью мучений.
Но чай вскипел, свисток зашелся «криком»,
Она накрыла стол, как в первый раз,
И поняла, счастливей, чем сейчас,
Ей не бывать, при всем желании – диком.

Зашел он в дом, неся в руках дрова,
Сложил в углу, и растопил камин,
И осознал, из тысячи картин,
Лишь от нее, кружилась голова.
Их взгляды встретились, скупое понимание,
Взорвало мир, ведь это навсегда,
Любви огонь, журчащая вода,
Улыбки, стоны, дети и внимание!

Часть 6. «Золотые купола»

А где же сын, и как его зовут?
И как мое воспримет появление?
Он ждет тебя, а завтра день рождения,
И мы устроим, праздничный салют.
Сын спит еще, его будить не надо,
Она к нему прижалась головой,
Зашел Никитка, встретив мать – такой,
Вдруг кинулся к отцу, чтоб с ним быть рядом.

Блистали золотом макушки куполов,
Кудрявилась сирень соцветием белым,
И солнце налилось сиянием – спелым,
Когда венчали их, под звон колоколов.
Торжественно на них смотрел Иисус,
Мария – дева, скромно улыбалась,
И только радость, в душах их осталась,
И поцелуев, первозданный вкус.

Они никак поверить не могли,
Что это все, конец разлуки долгой,
И теплой нежности, ласкающие волны,
К ногам вновь обвенчавшихся – легли.
И пыл их чувств, порадовал опять,

Когда наполненные радостью недели,
Одним мгновением, чудесно пролетели,
Врачи сказали, снова ей – рожать.

И было тяжело, но он всегда был рядом,
Они с Никиткой улыбались ей в ответ,
Когда она, давала им совет,
Задорно – искренним, подбадривая взглядом.
Две девочки – близняшки родились,
И скоро он их всех забрал с больницы,
В душе цвели сады, и пели птицы,
И трепетные будни – начались.

Он с ними спал, прижав к груди широкой,
Рассказывал им сказки и баллады,
И жил мгновением, и дети были рады,
Любви, так искренней, чарующей, глубокой.
Она его прекрасно понимала,
И слыша радостный, многоголосый смех,
Им не мешала, папа был – успех,
Но и она его, тихонько ожидала.

А встретившись, как будто в первый раз,
Они друг друга взглядом пожирали,
И, радуясь, что дети не мешали,
Опять пускались в сказочный экстаз.

Их дети подросли, им надо помогать,
Теперь и сыну, в жизнь – определиться,
Он так хотел, отцом, нырнуть в столицу,
Что и она не смела возражать.
Сын уезжал, отца прижав к груди,
Он попросил его благословения,
Перекрестив, с оттенком – сожаления,
Отец желал, счастливого пути.
И дочки – пигалицы, брата обнимали,
Ему трещали, как в последний раз,
И слезки капали, из их красивых глаз,
И возвращения, скорейшего, желали.

На семи ветрах Часть 7. «Гармония».

Так жизнь проходит, в нежности, в любви,
В волнующих минутках откровения,
Иль в беспокойных, давящих сомнениях,
Что мы себе, устроить помогли.
И, кажется, предмета проще нет,
Чем жизнь любить во всяком проявлении,
И в неизбежно – растревоженном волнении,
Встречать за окнами любимыми – рассвет.
Да, нас гнетут, сомнения и страх,
В причудливой игре воображения,

Мы видим мир, в своих оттенках мнения,
Себя неся по жизни, на руках.
Мы, как подарки от любых проблем,
Лучимся гордостью, и страстью ожидания,
Что мир вокруг, достигнет понимания,
Того, что до сих пор, дано не всем.
Но, как бы ни был наш мирок плохим,
Или хорошим, в этом все различие,
Я удалюсь, оставив для приличия,
Поразмышлять, о суете – другим.

И взявшись за руки, они брели к реке,
Где встретились, и где весь мир – любили,
К воспоминаниям, в которых долго жили,
И к счастью, что уже не вдалеке.
Их дети выросли, и в их счастливых браках.
Уж внуки с внучками, ласкают смехом уши,
И тешат радостью, распахнутые души,
И песню слышно, в тех заветных знаках.
Алел закат, багряными лучами,
Травы касался робко, и воды,
И в горизонт, идущие следы,
Сквозь боль разлук, и островков печали.

Бродяга

Часть 1. Пролог

Золотит купола, сквозь деревья, прорвавшийся лучик,
Наполняет листву слабый шелест лесных голосов,
Он сидел на земле, размышляя уж много часов,
Вспоминая себя, как от счастья потерянный ключик.
Отголоски событий, не терзают уж душу струною,
Монастырский «звонарь», заменил их обыденным днем,
Строгий пост и молитвы, и борьба на котельной с огнем,
И раздумья глубокие, над своей непонятной судьбой.
Он поднялся с травы, и медленно двинулся к храму,
Рясой влажной сбивая, жемчужную свежесть росы,
И текли не спеша, напоенные солнцем часы,
Разгоняя туман, и вскрывая вчерашнюю драму.

Часть 2. Опять понедельник

Кабинет был большим, чертежи и монтажные схемы,
Наполняли его, беспорядком рабочих часов,
И завод «Коммунар», с полусотней больших корпусов,
В проходных принимали, на работу спешащие смены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.